aspect of speech communication. Conducting classes in the multimedia lesson format, TV programs with sign language translation, a performance lesson in the style of traditional Chinese opera and pantomime technique, the use of non-speech exercises and situational tasks, compiling a comparative table of widespread Russian and Chinese gestures and facial expressions with linguistic and cultural comments contributes to the correct understanding of the meanings of non-linguistic signals, the development of skills to use non-speech code to create barrier-free and effective intercultural communication.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, non-verbal communication, the linguistic and cultural aspect

УДК 811.581"4":008:811.161.1'27:130.2(470+571)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗРАСТА В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ма И. В., Цуй Хун (崔宏)

Хух-Хото, Китай, Профессиональный институт Хух-Хото
(中国, 呼和浩特, 呼和浩特职业学院)

Аннотация. В статье исследуются национально-специфические особенности китайских и русских концептуальных метафор со значением возраста человека в русле антропоцентрической парадигмы. Разница в морфологической структуре языка приводит к тому, что банальная метафора характерна для разговорной русской речи, а китайская метафоричность относится к художественной речи. Китайские метафоры обладают богатой, символической и скрытой культурно-образной коннотацией, ментальными сферами-донорами выступают древние традиции, обычаи, ритуалы, мифы, философские трактаты. Русским метафорам свойственна оценочность, понятная и доступная для расшифровки образность.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концепт «возраст», китайская и русская лингвокультура

Введение. На данный момент в Китае происходит процесс углубления и переосмысления идей когнитивной лингвистики, о чем свидетельствует создание Китайской ассоциации когнитивной лингвистики (China Cognitive Linguistics Association / CCLA) в 2006 г. и увеличивающееся с каждым годом количество научных публикаций. Так, Шу Динфан (束定芳) рассматривает типы и грамматико-семантические особенности когнитивных метафор [14; 15], Ван Дацин (王达金), Фу Чжухэн (傅竹珩), Ван Шаохуа (汪少华) сосредоточились на контекстуальном значении метафор [8; 11], Ван Вэньбинь (王文斌) и Сюн Сюэлян (熊学亮) исследуют когнитивные механизмы возникновения и интерпретации [9; 10], Лю Чжэнгуан (刘正光) анализирует аспекты применения концептуальной метафоры [13].

Цель нашего исследования – в результате сопоставительного анализа выявить национально-специфические особенности китайских и русских концептуальных метафор со значением возраста человека в русле антропоцентрической парадигмы лингвокультурологического подхода.

Материал и методы. Теоретическую и методологическую базу исследования составили труды по теории когнитивной метафоры, разработанной американскими учеными Дж. Лакоффом (George Lakoff) и М. Джонсоном (Mark Johnson) и нашедшей своих последователей по всему миру. Важный вклад в распространение когнитивного подхода изучения метафор в России внесли такие лингвисты, как А. Н. Баранов (дескрипторная теория метафоры), Э. В. Будаев, Н. Д. Арутюнова, И. М. Кобозева,

З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. Н. Складневская, А. П. Чудинов (теория метафорического моделирования), В. Н. Телия, В. А. Маслова (метафора как лингвокультурема).

Материалом исследования послужили лексические и фразеологические единицы, полученные методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей китайского и русского языков.

Результаты и их обсуждение. Концептуальная метафора (*далее – КМ*) выступает одним из средств выражения культурного кода и непосредственно связана с понятием «концепта». По мнению Дж. Лакоффа, зарождение КМ происходит в мыслях, а не в языке, благодаря чему она представляет собой ментальный инструмент познания, категоризации, объяснения и восприятия мира [4, с. 244]. Расшифровка и понимание КМ требует экстралингвистических знаний об истории, литературе и искусстве, обычаях и традициях народа, которые на уровне языка нашли выражение во фразеологии.

Вслед за А. П. Чудиновым мы характеризуем КМ как систему «взаимодействующих зеркал, состоящей из трех элементов»: 1) ментальный мир человека и общества в целом; 2) природа метафоры, ее восхождение к наивной картине мира; 3) отражение наивных человеческих представлений о понятийной сфере [6, с. 47-50].

Важность изучения концепта «времени» для понимания национально-культурных особенностей языковой культуры утверждается русскими и китайскими учеными [2; 5; 12]. Отношение ко времени и его восприятие проявляются в языке и влияют на характер и поведение людей, поэтому концепт «время» представляет собой «сложный феномен, отражающий многие грани человеческой жизни и определяющий категории сознания человека» [2, с. 93].

На основании сравнительного анализа концепта «время» в русском и китайском языковом сознании исследователи пришли к выводу, что универсальными свойствами времени в русской наивной картине мира выступают нециклическость, линейность (прошлое-настоящее-будущее) и ограниченность (прошлое не вернуть, будущее неизбежно станет прошлым). Мифологическое циклическое восприятие времени свойственно носителям китайской культуры [5].

Концепт «возраст» коррелирует с понятием времени и входит в его состав, отражая и фиксируя определенный фрагмент картины мира. Антропоцентричность выступает «важной чертой концептуализации возраста, т. к. за точку отсчета берется положение человека во времени, а основной единицей времени является жизнь человека в ее продолжительности» [7, с. 14].

Национально-культурная маркированность метафор обусловлена способностью отражать наиболее значимые качества и свойства объектов, представляющих ценность для данного народа. Благодаря КМ возможно «понимание основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [1, с. 5-6].

Национальные особенности мышления и языковой системы представителей китайской и русской лингвокультур оказывают влияние на приемы метафоры, которая, как правило, создается на основе ассоциаций, выступающих как культурно-историческое явление. Флективность русского и аморфность и топиковая структура китайского, по мнению автора предикационной концепции языка В. А. Курдюмова, также влияют на процесс метафоризации, в результате чего банальная метафора характерна для разговорной русской речи (уровень бытового общения), а китайская метафоричность «проявляется на уровне лексем, которые строятся на основе микросинтаксиса», т. е. свойственна художественной речи [3, с. 93].

Метафора как средство выразительности китайского языка лежит в основе образной структуры 成语 [chéngyǔ] чэньюй – устойчивых словосочетаний (фразеологизмов), построенных по нормам древнекитайского письменного, литературного языка 文言 [wényán] Вэньянь. В результате анализа данных языковых единиц с концептом «возраст» мы пришли к выводу, что китайские метафоры служат для передачи содержания признакового характера, в основе характеристики лежат разные виды образных аналогий, культурно-образная коннотация – яркая, богатая, символическая и скрытая.

Семантическая структура метафорической модели позволила нам определить понятийные области-источники (ментальные сферы-доноры), в качестве которых выступают древние традиции, обычаи, ритуалы, мифы, поэмы, стихи, философские трактаты. Для понимания того, какой признак и сходство лежит в основе возникновения метафоры в китайском языке, требуется знать историю и культурные особенности, социально-иерархическую систему древнего общества, природные реалии, характерные признаки внешности, присущие в Древнем Китае тому или иному возрастному периоду. В силу того, что исследуемые метафоры относятся к древнему литературному стилю Вэньянь, многие из них являются устаревшими.

Русские метафоры в составе пословиц и поговорок, наоборот, активно употребляются в речи и обладают оценочностью, понятной, доступной для расшифровки образностью, большая часть из них относится к зооморфным и флористическим метафорам, остальные строятся на основании внешних признаков, по которым легко угадывается возраст.

Областью совпадения в русском и китайском языковом сознании выступает соотношение человеческой жизни с суточными отрезками времени, сезонами годового цикла и связанными с ними образными понятиями расцвета, зрелости и увядания природы. В рус.яз.: *рассвет жизни, закат жизни, на заре жизни, весна жизни, осень жизни, в самом цвету, в самом (полном) соку, в расцвете лет, молодая поросль*. В кит.яз.: 桑榆暮景 [sāngyú mùjǐng] ‘последние лучи заката на верхушках тутов и вязов’ (обр. в знач.: *на закате жизни, на склоне лет*), 垂暮之年 [chuí mù zhī nián] ‘приближаться к закату, к сумеркам’ (обр. в знач.: *клониться к старости*), 春秋鼎盛 [chūn qiū dǐngshèng] ‘весна и осень в расцвете’ (обр. в знач.: *годы расцвета*), 芳年华月 [fāng nián huá yuè] ‘ароматный год, цветущий месяц’ (обр. в знач.: *чудесный возраст, девушка 13-14 лет*), 风华正茂 [fēng huá zhèng mào] ‘изящный и цветущий’ (обр. в знач.: *в расцвете молодости*), 惨绿年华 [cǎn lǜ nián huá] ‘тёмно-зелёные годы’ (обр. в знач.: *период молодости*), 金色年华 [jīnsè niánhuá] ‘золотистый, цветущий’ (обр. в знач.: *ранняя юность*).

Флористические метафоры со значением возраста в китайском языке отличаются поэтичностью и символизмом, в их основу положены символические образы китайской культуры: кардамон, слива, хризантема, сосна, кипарис: 豆蔻年华 [dòukòu niánhuá] ‘цветущий кардамон’ (обр. в знач.: *девушка-подросток 13-14 лет*), 含苞待放 [hán bāo dài fàng] ‘цветок вот-вот раскроется’ (обр. в знач.: *девушка, которая скоро достигнет совершеннолетия*), 標梅之年 [piāoméi zhī nián] ‘опадающая, отцветающая слива’ (обр. в знач.: *девушка, достигшая брачного возраста*), 黄花晚节 [huáng huā wǎn jié] ‘жёлтые цветы, поздний сезон’ (обр. в знач.: *чистая (благородная) старость*), 菊老荷枯 [jú lǎo hē kū]

hé kū] ‘хризантема увядает, лотос засыхает’ (обр. в знач.: *старение женщины*), 花甲之年 [huā jiǎ zhī nián] ‘возраст цветочных доспехов, засохших ветвей’ (обр. в знач.: *шестидесятилетний возраст*), 松柏之寿 [sōng bǎi zhī shòu] ‘жизнь сосны и кипариса’ (обр. в знач.: *долголетие*). «Жёлтым цветком» в Древнем Китае называли девственную девушку, а жёлтая хризантема до сих пор является символом благородной старости, образы сосны и кипариса в китайской поэзии олицетворяют духовную стойкость, верность, жизненную силу и долголетие.

Семантика метафор-фитонимов русского языка более-менее прозрачна, мотивированна и строится на связи между образным значением и исходным (прямым) по внешним или внутренним признакам. Например: *Зелен виноград не сладок, а молодой человек не крепок; Старый пень; Старый дуб не скоро сломится; Стар дуб, да корень свеж; Старое дерево скрипит, да не ломается; Старый хлеб семена переводит* и др.

Для характеристики возраста человека в русском и китайском языках широко употребляются лексемы, означающие животных. Зооморфные метафоры исследуемых языков обладают теми же свойствами и характеристиками, что и содержащие в своем составе растительные номинации. Например: 初生之犊 [chū shēng zhī dú], 初生之犊不畏虎 [chū shēng zhī dú bùwèi hǔ] ‘новорожденный теленок даже тигра не боится’ (обр. в знач.: *неопытный молодой человек, обладающий безрассудной храбростью*), 生龙活虎 [shēng lóng huó hǔ] ‘живой дракон и живой тигр’ (обр. в знач.: *молодой, энергичный*), 老骥伏枥, 志在千里 [lǎo jì fú lì zhì zài qiān lǐ] ‘старый скакун (конь) лежит в стойле, но мыслями устремляется за тысячу ли’ (обр. в знач.: *сохранить силу и энергию в старости*), 龟年鹤寿 [guī nián hè shòu] ‘возраст черепахи и долголетие журавля’ (обр. в знач.: *долголетие*). В основу немногочисленной группы метафор положен признак по внешнему сходству: 鹤发鸡皮 [hè fà jī pí] ‘куриная кожа и журавлиные (белые) волосы’ (обр. в знач.: *престарелый, в глубокой старости*), 鹤发童颜 [hè fà tóng yán] ‘белые волосы, как перья журавля, и детское лицо’ (обр. *бодрый, моложавый, прекрасно сохранившийся в старости*). Специфической чертой китайских метафор выступает использование мифологических символов как маркеров наивной картины мира и мировоззрения китайского народа. Так, тигр олицетворяет храбрость; дракон – воплощение небесной силы и власти, дарящий счастье, богатство, плодородие, мудрость и бессмертие; журавль связывает земной и духовный мир, заботится о семейном счастье, воплощает благородство и вечную жизнь; черепаха – выносливость терпение и долголетие.

Наименования животных, используемые для характеристики возраста человека в русском языке через уподобление его внешнего облика, особенностей характера и поведения образу животного, совершенно другие: *Старый конь борозды не портит; Старый ворон не каркнет даром; Старый пёс на ветер не лает; Стар кот, а масло любит; И старую кукушку на ястреба не променять; Старого волка в западню не заманишь; Старая лисица в капкан не попадёт; Молодой журавль высоко взлетел, да низко сел* и др.

Метафорические образы русского и китайского языков отличаются коннотативным компонентом, характеристикой и эмоционально-экспрессивной оценкой разных возрастных периодов в жизни человека: в кит. – молодость воспринимается как золотое, цветущее, драгоценное время, в рус. – ироническо-насмешливое отношение к незрелости и неопытности молодежи; в кит. яз. – отличительной чертой среднего (зрелого) возраста выступает самостоятельность, разумность, понимание себя, людей и мироустройства, в рус. яз. – превалирует внешняя характеристика взрослости; в кит. –

почтенное отношение к старости, уважение к годам, преклонение перед старшим поколением, в рус. – при акцентуализации опытности пожилых людей, смекалке, житейской хитрости проскальзывает насмешка над немощью и утратой силы. Ср.: 宝刀未老 bǎo dāo wèi lǎo ‘драгоценный меч не старится’ (обр. в знач.: старый, но еще способный), 古稀之年 [gǔ xī zhī nián] ‘древний и редкий возраст’ (обр. в знач. семидесятилетний возраст), 碧玉年华 [bìyù niánhuá] ‘яшмовый возраст’ (обр. в знач. 16 лет), яшма почитается в Китае как источник женской энергии Инь и символ женской красоты.

В китайской метафоре оценочность скрытая, завуалированная, эвфемистическая, иносказательная: так, чтобы охарактеризовать состарившуюся и потерявшую свою ценность женщину, используется чэньюй 人老珠黄 [rénlǎo zhūhuáng] ‘старый человек, как пожелтевшая жемчужина’. Только в сознании носителей китайской культуры белый жемчуг символизирует мудрость, богатство и красоту, а желтый ассоциируется с бесполезностью и непригодностью.

В сравниваемых языках наблюдается совпадение метафорических образов и оценочных значений для номинации младенческого возраста. Так, в кит. – 黄口小儿 [huángkǒu xiǎoér], 黄口孺子 [huángkǒurúzi] ‘желторотый птенец’ (обр. в знач.: *желторотый ребенок*; иронич.), в рус. – *желторотый птенец* (обр. в знач.: *молодой, неопытный юнец*; прост., пренебр.). Данный образ основан на зооморфной метафоре «птенец – человек» с добавлением метонимической оппозиции «часть – целое». В кит.яз.: 赤子之心 [chìzǐ zhīxīn] ‘чистое, невинное сердце’ (обр. в знач.: *чистые помыслы и намерения, искренность*; о младенце/ребенке); 金童玉女 [jīntóng yùnyǚ] ‘золотой отрок и яшмовая дева’ (обр. в знач.: *невинные мальчики и девочки*); в рус.яз.: *Ангельская душа, Невинная душа* (обр. в знач.: *чистота и непорочность ребенка*). Метафора 金童玉女 в китайском языке появилась из даосизма, где говорится о юношах и девушках, которые состоят в свите Бессмертных.

Важным источником метафорической экспансии в китайском языке, помимо указанных выше, служат обычаи, традиции, ритуалы, внешние признаки, присущие определенному возрастному периоду и социальному статусу. Так, в Древнем Китае маленьким детям связывали на макушке волосы пучками, напоминавшими бараньи рожки, такая прическа называлась «волосы рожками»; маленькие мальчики носили свисающие волосы; в 15 лет девушкам разрешалось пользоваться головной шпилькой и вступать в брак, юноши проходили свои инициации, знаменующие переход во взрослую жизнь, что нашло отражение во фразеологических метафорах: 总角之晏 [zǒngjiǎo zhī yàn] ‘причёска рожками’ (обр. в знач.: *безмятежное время детства*); 金钗之年 [jīnchāi zhīnián] ‘возраст золотой шпильки’ (обр. в знач.: *девушка 12-ти лет*), 舞勺之年 [wǔshuò zhīnián] ‘танцевать гражданский танец несовершеннолетнего’ (обр. в знач.: *парень 13-ти лет*), 束发 [shùfà] ‘завязывать волосы’ (обр. в знач.: *достигнуть юношеского возраста*), 悬车之年 [xuán chē zhī nián] ‘подвесить повозку (экипаж), оставить должность’ (обр. в знач.: *удалиться на покой, семидесятилетний*), 杖朝之年 [zhàngcháo zhī nián] ‘посох ко двору возраст’ (обр. в знач. *80-летний старец, которому разрешалось являться к императорскому двору с посохом*).

Одно из знаменитых литературных произведений Китая, «*лунь юй*» «Беседы и суждения», содержащее наставления и диалоги Конфуция с учениками, также служит сигнификативной зоной зарождения метафорических образов. Например: 而立之年 [ér lì

zhī nián] ‘встать на ноги’ (обр. в знач.: *самостоятельный возраст, 30 лет*); 不惑之年 [bù huò zhī nián] ‘возраст понимания вещей без сомнения’ (обр. в знач.: *сорокалетний возраст*); 知命之年 [zhī mìng zhī nián] ‘знать волю неба, понимать веление судьбы’ (обр. в знач.: *50-летний возраст*); 耳顺之年 [ěr shùn zhī nián] ‘понятный на слух возраст’ (обр. в знач.: *шестидесятилетний возраст*; Конфуций говорил: «六十而耳顺» «В 60 лет уши стали мне послушны», т. е. он смог отличать правильное от неправильного, прислушиваясь к чужим словам).

Заключение. На основании анализа можно сделать вывод, что метафоры, репрезентирующие концепт «возраст» в китайской языковой картине мира, отражают древнейшие, архетипические представления о человеке как микрокосме, его месте в обществе и связи с природой как макрокосмом. В русской лингвокультуре источниками метафорической концептуализации возраста в основном выступают объекты растительного и животного мира, внешние признаки этапов человеческой жизни. Китайские метафоры относятся к литературному стилю и характеризуются яркой образностью, культурными коннотациями, скрытым символическим значением, эстетической функцией, русские, в свою очередь, функционируют в разговорной речи, что обуславливает их эмоционально-экспрессивную окраску и оценочность.

Использованные источники

1. Арутюнова, Н. Д., Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. // М. : Прогресс, 1990. – с. 5-33.
2. Каминская, И. В. Концепт «время» в русской и китайской лингвокультурах / И. В. Каминская, О. В. Чибисова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2012. – № 35. – С. 93–103.
3. Курдюмов, В. А. Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке / В. А. Курдюмов, Л. А. Семенова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 3(47). – С. 90-98.
4. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Лю Чуньмэй. Восприятие концепта «время» в русском языке с точки зрения носителя китайского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лю Чуньмэй. – Москва, 2009. – 150 с.
6. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003 – 248 с.
7. Щербо, П. А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков : на материале английской, французской и русской лексики : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Щербо П. А. – Москва, 2008. – 26 с.
8. 王达金, 傅竹珩. 隐喻的认知过程和语境分析[J]. 交通高教研, 2002(01):47-49. = Ван Дацин, Фу Чжухэн. Когнитивный процесс и контекстуальный анализ метафоры. Цзяотунское высшее образование и научные исследования, 2002 (01): 47-49.
9. 王文斌. 再论隐喻中的相似性[J]. 四川外语学院学报, 2006(02): 125-130. = Ван Веньбинь. Разговор о сходстве в метафорах. Журнал Сычуаньского ин-та иностранных языков, 2006 (02): 125-130.
10. 王文斌, 熊学亮. 认知突显与隐喻相似性[J]. 外国语 (上海外国语大学学报), 2008(03):46-54. = Ван Вэньбинь, Сюн Сюэлян. Сходство между познанием и метафорой. Иностранные языки (Журнал Шанхайского университета иностранных исследований), 2008 (03): 46-54.
11. 汪少华. 概念合成与隐喻的实时意义建构[J]. 当代语言学, 2002(02):119-127 = Ван Шаохуа. Синтез концептов и построение значений метафор в реальном времени. Современный язык - Наука, 2002 (02): 119-127.
12. 段佳音. 汉语年龄词语研究[D]. 南京师范大学, 2010年. 66页. = Дуань Цзяинь. Изучение лексических единиц с семантикой возраста китайского языка. Нанкинский педагогический университет. 2010. – 66 с.
13. 刘正光. 《隐喻的认知研究: 理论与实践》, 长沙: 湖南人民出版社, 2007年. = Лю Чжэнгуан. Когнитивные исследования метафоры: теория и практика, Чанша: Народное изд-во Хунань, 2007.

14. 束定芳. 论隐喻的基本类型及句法和语义特征[J]. 外国语 (上海外国语大学学报), 2000(01):20-28. = Шу Динфан. Об основных типах и грамматических и семантических характеристиках метафор. Иностранные языки (Шанхайский университет иностранных языков. Отчет), 2000 (01): 20-28.
15. 束定芳. 论隐喻与明喻的结构及认知特点[J]. 外语教学与研究, 2003(02):102-107. = Шу Динфан. О структуре и когнитивных характеристиках метафор и переносных выражений. Преподавание иностранных языков и научные исследования, 2003 (02): 102-107.

CONCEPTUAL METAPHORS WITH THE MEANING OF AGE IN CHINESE LINGUOCULTURE IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN NAIVE WORLDVIEW

Ma I. V., Cui Hong
Hohhot, China, Hohhot Vocational Institute

Annotation. The article examines the national-specific features of Chinese and Russian conceptual metaphors with the meaning of human age in line with the anthropocentric paradigm. The difference in the morphological structure of the language leads to the fact that a banal metaphor is characteristic of spoken Russian speech, while Chinese metaphor refers to artistic speech. Chinese metaphors have a rich, symbolic and hidden cultural and figurative connotation, and ancient traditions, customs, rituals, myths, and philosophical treatises act as mental donor spheres. Russian metaphors are characterized by evaluative, understandable and decipherable imagery.

Keywords: conceptual metaphor, the concept of "age", Chinese and Russian linguistic culture

УДК 811.161.1'367.626+811.581'367.626

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ПЕРВОГО ЛИЦА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сюэ Бин
Минск, Республика Беларусь, УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

Аннотация. В русском и китайском языках местоимение первого лица представляет собой уникальное явление. В относительно закрытой системе личных местоимений оно является не только основой формирования данного грамматического разряда, но и отправной точкой зрения субъекта в речевой деятельности, выражая при этом субъективную позицию говорящего. Изучение использования местоимений первого лица в русском и китайском языках, в первую очередь их специального применения, играет важную роль в понимании системы личных местоимений, языковых привычек и специфических особенностей русской и китайской лингвокультур.

Ключевые слова: местоимение первого лица, русский язык, китайский язык.

Введение. Актуальность нашей работы обусловлена широким интересом к лексико-семантическому классу личных местоимений в разноструктурных языках с позиций контрастивной лингвистики.

Цель исследования – рассмотреть национальные особенности системы личных местоимений (на примере местоимений первого лица) в русском и китайском языках и специфику их употребления в речи.

Материал и методы. В процессе исследования применялись описательный метод, сравнительно-сопоставительный, аналитический и лингвокультурологического анализа.

Результаты и их обсуждение. В русском и китайском языках личные местоимения представляют собой уникальную, относительно закрытую систему, состоящую из первого, второго и третьего лица. Они указывают на предметы, признаки и количества, не называя их и не определяя их содержание. В этой системе связь между личными местоимениями устанавливается по признаку первого лица. В речевой деятельности первое лицо является отправителем точки зрения субъекта и выражает субъективную позицию говорящего.